

мужественности.

В русле данного наблюдения можно было бы привести пример семилетнего мальчика, страдающего ночным энурезом. При выполнении рисуночного теста “Я и окружающие люди” он нарисовал себя без волос. При предложении дорисовать себе волосы - категорически отказался. Среди различных фигур в рисунке была фигура мальчика тоже без волос. На вопрос психотерапевта испытуемый подтвердил, что и у этого мальчика энурез. Была установлена символическая связь в подсознании мальчика энуреза и волос, вернее их отсутствия. Повторное предложение нарисовать себе волосы вызвало у мальчика резкий протест, как нечто неприемлемое. Мать же спонтанно заявила, что до трех лет ребенок “спал у нас с мужем в головах и его ручка постоянно была у меня в волосах”. Известно, что в проективных рисуночных тестах волосы символизируют сексуальность человека. Активное отрицание этой символической сексуальности как раз и указывает на силу и актуальность этих переживаний. В процессе психотерапии, по мере устранения энуреза, мальчик нарисовал себя с волосами без дополнительных просьб.

Можно было бы привести и пример двенадцатилетней девочки, страдающей ночным недержанием мочи. В начале лечения энурез отмечался каждую ночь. По мере улучшения состояния энурез отмечался только в периоды отсутствия матери дома ночью, когда девочка оставалась в квартире вдвоем с отцом. Дальнейшая психотерапия, прошедшая через этап инсайта, привела к устранению энуреза.

Следующее наблюдение. Больная З., 14 лет. Единственный ребенок во врачебной семье. Улыбчивая, кокетливая девочка с распущенными волосами, отлично успевающая в школе. Заболевание дебютировало навязчивыми хульными мыслями, обильной саливацией, которые возникали чаще в туалетной комнате, повышенным аппетитом. Далее следовал период полного голодания, увлечения религией. Трехмесячное лечение нейролептиками, транквилизаторами, директивной психотерапией было не эффективным. В первой же беседе, при выполнении рисуночного теста “Я и моя семья”, она нарисовала отца молодым и спонтанно объяснила: “папа молодой, ему 14 лет”. Анализ симптоматики и ее динамики, проективные тесты позволили предположить у девочки инцестный комплекс. Теперь стали понятны симптомы, которые были попыткой незрелой личности справиться с интенсивным, но запретным сексуальным желанием. Отказ от еды был понят, как отказ от

сексуальности. Известна связь еды и сексуальности и, даже, выделяется термин “сексуализация еды”. Погружение в религию было такой же попыткой защититься от запретных сексуальных импульсов. Появление повышенной саливации, усиление аппетита и хульные мысли, наоборот, были символической реализацией запретных желаний.

После трех сеансов психотерапии (1 раз в неделю) симптомы исчезли. Девочка стала спокойнее, волосы были заколоты заколкой. Начала посещать школу и участвовать в школьных мероприятиях. Рассказала сон: “Я в классе. Заходит однокласник Володя и разбивает большой и красивый стеклянный фиолетовый цветок. Цветка жалко, но мне весело и я смеюсь”. Для понимания сновидения следует учесть, что фиолетовый цвет является своеобразным индикатором психической и половой зрелости (Г. Клар, 1975). Он предпочитается детьми до наступления половой зрелости. Разрушение фиолетового цветка свидетельствовало о переориентации либидо с запретного инцестного желания на однокласника, который и разбил фиолетовый цветок. Возникшее у девочки веселье, как бы подчеркнуло, что проблема, так долго мучившая ее, разрешена.

Наблюдение третье. Больная К., 45 лет, педагог, замужем, имеет сына 16 лет. Взаимоотношения с сыном носят “нежный” характер, а мужа характеризует с особенной уничижительной интонацией: “он плохой, плохой, плохой”. Невротическая симптоматика (раздражительность, невозможность сосредоточиться, сниженное настроение, бессонница и т.п.) была настолько выражена, что больная в течение месяца находилась на больничном листе. В первой же беседе установлено, что заболевание началось непосредственно после того как она узнала, что ее сорокалетний сотрудник попал под машину. Отметив про себя связь начала невроза с этим событием, врач в течение двух месяцев без особого эффекта пытался помочь больной осознать эту связь. Но однажды, после прямого вопроса психотерапевта: “Ваш подчиненный Вам нравился?”, последовал молниеносный ответ - “Ну, что Вы доктор, он плохой, плохой, плохой”. И эти слова “он плохой, плохой, плохой” были сказаны с той же интонацией, с которой пациентка характеризовала раньше мужа. Последовавшая после этого длительная и тягостная пауза, отрешенный вид пациентки и ее вегетативная реакция указали на эмоциональный инсайт. Через несколько часов, глубокой ночью ей была произведена аппендектомия. После выписки из

хирургического отделения понадобилось всего два сеанса, чтобы состояние больной нормализовалось. Катамнез 3 года. Невротической симптоматики не было.

В этом случае у пациентки был перенос негативных чувств, которые она испытывала к мужу, на сотрудника. Момент возникновения невротической симптоматики (известие о транспортном происшествии с сотрудником) на неосознаваемом уровне указал на возможность разрешения тягостного и вытесняемого внутрисемейного конфликта. Как хорошо все разрешилось бы после смерти “постылого” мужа. Однако такая мысль греховна по своей сути и не могла не встретить сопротивления личности пациентки. Невротический внутриличностный конфликт интересов привел к стойкому невротическому состоянию. Эмоциональный инсайт явился пусковым моментом соматической патологии. А так неожиданно выполненная операция имела свой символический смысл. Пациен-

тка ею наказала себя и страданием искупила свой грех, ведь для подсознания все равно было ли действие или только желание.

В приведенных наблюдениях симптомы имели защитную функцию и позволяли личности соблюдать социальные нормы. Симптомы исчезали после разрешения психологических проблем. Часть симптомов выполняла роль замещающего действия, символически удовлетворяющего психологическую потребность.

Понимание психологического смысла симптома помогает врачу выяснить внутриличностный конфликт больного, который и явился причиной психосоматического заболевания. В таких случаях лечение становится осмысленным, помогающим пациенту разрешить внутриличностные проблемы наиболее эффективным образом. Непонимание психологического смысла симптома приводит к снижению эффективности лечебного процесса и профессиональной фрустрации врача.

Поступила в редакцию 22.10.96